

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ

НА ПОДСТУПАХ ОКТЯБРЯ

(1 мая 1917 г. в Иваново-Вознесенске)

Рассказ

Мы хотим, чтобы Первое мая было теплым, светло-солнечным днем. А сегодня так скверно: моросит изнурительный, бесконечный дождь; по выбоинам дорог хлюпает мутная вода; посерели и принахмурились дома, сараи, заборы, низко опустилось дымчатое, скучное небо.

Ах! Первое мая должно быть совсем иным! И не только я - мы все ожидали его в лучах, в цветущей зелени, с голубым высоким небом.

Теперь, я думаю, всем тяжело и обидно, как мне; даже не только обидно-тяжело, а опаска берет: "Ну, да как никто не придет, одни знаменосцы? Кому захочется в эту гнусную слякоть истязать себя долгие часы? Не подумает ли каждый: "А пусть без меня... Что я один? И не приду - хватит народу... Дай-ка пережду окаянную хмару..." Гвоздем торчала эта мысль. И беспокоила.

Я вхожу на широкий фабричный двор. Он напомнил мне распростертую засаленную рабочую блузу, когда от дождя по ней стекает масло, известка, нефть, прилипшие комья грязи.

На пустынном дворе еще большая тоска, чем на безлюдных утренних улицах.

Комнатка у фабричного комитета небольшая - черная, прокуренная, полутемная.

Мы сегодня пришли сюда спозаранку: не дошили вчера атласные знамена, не достроили подмостки театру, а открыть его надо сегодня же, Первого мая. Я не первый пришел: Катерина Лунева, Настя - сестра ее, Гаврилов, Никита Губан, старик Алексеич, - вон их сколько, уж не ночевали ли тут?

- Здорово, товарищи!

- Здравствуй, Павел! На молоток - иди на сцену, тебя там ожидают на подмогу.

Я ухожу. Но прежде чем уйти, смотрю на Катерину: у нее под опущенными ресницами не вижу глаз; губы сложены строго; низко опущен платок, она вся перегнулась, - склонилась над работой. Не стану мешать, не оторву, не скажу ей ни слова - лучше послушаю, полюбуюсь, как она станет говорить рабочим про Май; так постановил фабричный комитет, чтобы Катерина сегодня говорила: ее любят и уважают - такую рассудливую, умную и строгую.

Длинным-длинным коридором (такие только на фабриках) я пробираюсь к театру: мы его построили в пустующем сарае, когда-то забитом от низу до потолка хозяйскими товарами.

На минутку остановился я и слушаю: тихо. Где-то за стенами чуть гудят человеческие голоса, а оттуда, спереди, то молотком постучат, то проскрежещут ручником-пилою. В этом коридоре я как в подземелье: сыро, темно, даже страшно немного. Как тяжело быть одному: и здесь и там вот, на улице, под скучным слепым дождем. Я выхожу из коридора прямо в сарай и здесь работаю. Мне все скучно по-прежнему, да вижу я, что и товарищам моим не весело. Стучим, строгаем, пилим, таскаем, режем, вбиваем... Проходят часы. Как прежде, капает дождь непрерывными, бессильными, мертвыми каплями.

Когда на две, на три секунды у нас случалась тишина: не стучали молотки, не визжали рубанки и пилы, - через стены к нам стали доноситься какие-то звуки. И чем дальше, тем они становились явственней и громче. Гудит. Гудит. Гудит. Мы понимали, что это гомон человеческой речи... "Значит, не все пропало, - подумал я, - может быть, и праздник состоится по-настоящему..." Вместе с говором и шумом, который все усиливался за стенами,